

качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке

Москва Издательский дом Высшей школы экономики

УДК 330.1(059) ББК 65.01 И89

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (главный редактор),

О.И. Ананьин (заместитель главного редактора),

И.А. Болдырев, Г.Д. Гловели, П.Н. Клюкин, Я.И. Кузьминов, Н.А. Макашева, Д.В. Мельник (ответственный секретарь), Н.А. Розинская, Р.М. Энтов

Научные редакторы разделов:

«Методология экономической науки» — В.С. Автономов, Н.А. Макашева; «История экономической науки» — В.С. Автономов; «Экономическая реальность:

пространственные и исторические срезы» — Г.Д. Гловели; «Экономическая наука и макроэкономическая политика» — В.Е. Маневич; «Из экономической истории» — Н.А. Розинская; «Рауль Пребиш и латиноамериканский структурализм» — Д.В. Мельник

Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке [Текст] / редкол.: В. С. Автономов (гл. ред.), О. И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д. И. Мельник (отв. секр.) и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 503, [1] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-1130-5 (в пер.).

Очередной (восьмой) выпуск альманаха «Истоки» продолжает серию, публикуемую Издательским домом Высшей школы экономики. Центральная тема выпуска — теоретическое отражение изменений и качественных сдвигов в экономической действительности и в сфере самого экономического анализа.

В открывающих альманах статьях представлены проблематика социального конструирования экономической реальности и новые аспекты в истории двух, ставших вехами в развитии экономического анализа, теоретических революций — маржиналистской (1870-е гг.) и формалистической (1950-е гг.). Статьи российских авторов, подготовленные для альманаха, посвящены вопросам пространственных и временных координат в репрезентации экономической реальности. В работах видных американских экономистов продемонстрированы различия между монетаристским и кейнсианским подходами к проблемам кредитно-денежной политики на примере экономики США второй половины XX в. Качественные сдвиги в экономической реальности в контексте экономико-исторических исследований рассматриваются в статье Г. Кларка, который задается вопросом: почему не все страны мира стали экономически развитыми? Завершают альманах работы, посвященные истории латиноамериканского структурализма — направления анализа экономического развития, основанного на концепции периферийного капитализма аргентинского экономиста Р. Пребиша.

Для специалистов в области экономической теории, истории экономической мысли, экономической истории и обществознания, студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 330.1(059) ББК 65.01

СОДЕРЖАНИЕ

	ГОДОЛОГИЯ РНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ7
Н.А.	<i>Макашева</i> Вспоминая Уоррена Дж. Сэмюелса (1933—2011)
, ,	с. Сэмюелс «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании экономической реальности: очерк об отношении знания к социально-экономической политике
	Автономов Памяти Марка Блауга (1927—2011)
М. Б.	лауг Формалистическая революция 1950-х годов
	ОРИЯ ОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ57
	Автономов Самая значительная перемена в истории экономической науки: возвращаясь к осмыслению маржиналистской революции
У. Ж	аффе Менгер, Джевонс и Вальрас: дегомогенизация
	к. Пирт Джевонс и Менгер: регомогенизация? Жаффе лвалиать лет спустя

Ф.В. Комим
Джевонс и Менгер: регомогенизация?
Жаффе двадцать лет спустя:
Комментарий к статье С.Дж. Пирт110
Ф. Фонтен
Менгер, Джевонс и Вальрас:
негомогенизация, дегомогенизация,
гомогенизация.
Комментарий к статье С.Дж. Пирт115
Р.Ф. Эбер
Джевонс и Менгер: регомогенизация.
Джевоне и ментер, регомогенизация. Кто настоящий «третий лишний»?
Комментарий к статье С.Дж. Пирт
помичентирни к статье С.дж. ттрт
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ131
Г.Д. Гловели
Перипетии экономических периодизаций
истории
Д.Е. Расков
Тюнен и русская экономическая мысль176
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА
И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА 203
Ю.В. Ерохина, В.Е. Маневич
О научных основах денежной политики
(По поводу статей Джеймса Тобина
и Фредерика Мишкина)
Дж. Тобин
Комбинация денежной и бюджетной политики
в Соединенных Штатах

Дж. Тобин
Денежная политика
в условиях неопределенности
Ф.С. Мишкин
Станет ли денежная политика
более научной?
ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
Р.Г. Хаиткулов
Уроки клиометрики от Грегори Кларка:
в поисках источника экономического роста331
Г. Кларк
Почему не все страны мира
стали экономически развитыми?
О чем может рассказать
история хлопкопрядильных фабрик
РАУЛЬ ПРЕБИШ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ395
Д.В. Мельник
Теория периферийного капитализма
и вызовы развития
Дж.Л. Лав
Предисловие к русскому переводу
Дж.Л. Лав
Рауль Пребиш и возникновение
доктрины неэквивалентного обмена411
Дж.Л. Лав
Подъем и упадок экономического
структурализма в Латинской Америке:
новые аспекты

Содержание

<i>М. Оливера</i> Латиноамериканский структурализм:	
уроки для сегодняшнего дня	491
Об авторах	499

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

За время, прошедшее с момента выхода в свет предыдущего выпуска «Истоков», экономическая методология и история экономической мысли потеряли двух своих выдающихся представителей: Уоррена Дж. Сэмюелса (1933—2011) и Марка Блауга (1927—2011). Редколлегия «Истоков» посчитала необходимым откликнуться на эти печальные события публикацией двух небольших работ этих ученых, сопроводив их краткими комментариями.

Н.А. Макашева

ВСПОМИНАЯ УОРРЕНА ДЖ. СЭМЮЕЛСА (1933—2011)

Уоррен Сэмюелс, безусловно, принадлежал к числу тех экономистов, которых в наш век специализации можно было бы назвать современными энциклопедистами. Обширные научные интересы и широкий взгляд на экономическую науку и историю экономической мысли, толерантное отношение к иной точке зрения — все это позволило Сэмюелсу стать исключительно востребованным редактором множества серийных и периодических изданий, включая такие известные, как серия «Recent Economic Thought», на протяжении практически двадцати лет выпускавшаяся издательством «Kluwer Academic Publishing», или «Studies in Institutional Economics» издательства «М.Е. Sharp» (1990— 1994). Число журналов, в которых Сэмюелс в разное время был либо редактором, либо членом редколлегии, близко к трем десяткам, длинен перечень научных обществ, в руководящие органы которых он входил. Заслуги Сэмюелса были отмечены несколькими академическими наградами (включая медаль имени Н.Д. Кондратьева), но главное — это, конечно, огромное количество его научных работ. Его послужной список, вместе с тем, не впечатляет разнообразием: образование получил в университетах штатов Флорида и Висконсин, десять лет преподавал в университете Майами и тридцать лет — в университете штата Мичиган. Насколько я знаю, не работал за пределами США.

В области истории экономической мысли Сэмюелс принадлежал, если так можно выразиться, к интеллектуальному направлению. Он рассматривал историю экономической мысли как часть общей интеллектуальной истории и считал, что ее изучение предполагает широкий контекст, выходящий за рамки собственно экономического анализа или экономической теории. Сэмюелс стремился выявить философские и социальные основания экономической теории, а экономическое знание рассматривал как процесс, имеющий социальный, культурный, политический и идеологический аспекты. В методологии он был сторонником принципа методологического плюрализма и позитивного полхода, когда единственной нормативной установкой был отказ от абсолюта, т.е. от самой возможности единственно правильной (научной) методологии. Это не означает, что Сэмюелс шел по пути Фейерабенда или склонялся, вслед за Макклоски, к риторическому подходу. Для него получение знания было процессом сложного взаимодействия исследования, интерпретации его результатов и экономики как социального конструкта, т.е. объекта воздействия со стороны людей, производящих и использующих соответствующее знание, при этом движимых различными мотивами и идеями. Отсюда его интерес к оценкам и убеждениям, дискурсу, смыслам и языковым конструкциям и, конечно, к институтам и политике.

Весьма показательно, что его первое большое произведение было посвящено классической теории экономической политики¹, а его последняя книга, над которой ученый работал более двух десятилетий, представляет собой «расследование», связанное с понятием невидимой руки и его смыслов². Сэмюелса можно считать современным продолжателем дела старых американских институционалистов, а присуждение ему в 1995 г. премии Веблена — Коммонса — свидетельством верности этой традиции.

Все, кто знал Сэмюелса лично, отмечают не только его высокий профессиональный уровень, но и доброжелательность, чувство юмора, преданность семье, готовность поддержать молодых исследователей. Я могу это подтвердить, основываясь на очень кратком личном общении и более продолжительном заочном. Хочу также отметить его

¹ Samuels W.J. The Classical Theory of Economic Policy. Cleveland, 1966.

² Samuels W.J. Erasing the Invisible Hand: Essays on an Elusive and Misused Concept in Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

способность улавливать скрытые смыслы, причем даже в среде ему совершенно незнакомой. Помню, как Елена Николаевна Кондратьева однажды сказала: «Он же такая умница, все понимает». Тогда речь шла о необъяснимых для иностранцев аспектах драмы отечественной экономической науки и личных трагедий ее участников, а также о деликатных обстоятельствах, связанных с публикацией некоторых материалов, их сохранностью и доступностью.

Знакомством и сотрудничеством с Уорреном Сэмюелсом я обязана работе над несколькими проектами: выпуску избранных работ Н.Д. Кондратьева английским издательством «Pickering & Chatto» 3 , подготовке конференции, посвященной С.Н. Булгакову, а также участию Сэмюелса в первом симпозиуме по эволюционной экономике, состоявшемся в сентябре $1994 \, \mathrm{r.}^4$

Русская экономическая мысль, безусловно, не относилась к сфере непосредственных научных интересов Сэмюелса, и, казалось бы, что могло быть дальше от американского экономиста, чем поиски С.Н. Булгаковым религиозного смысла хозяйственной деятельности и экономической науки, однако моя просьба принять участие в соответствующем проекте нашла понимание и отклик. Хотя религиозное, и тем более православное, мироощущение было чуждо Сэмюелсу, его, несомненно, заинтересовали озабоченность Булгакова процессом очищения экономической науки от религиозного и социального содержания, который имел место в конце XIX — начале XX в., а также стремление русского мыслителя понять значение веры в нашем восприятии экономической реальности⁵.

В проекте, посвященном Кондратьеву, Сэмюелс играл исключительно важную роль. Он, конечно, не являлся специалистом в области больших циклов, и его участие в проекте до известной степени было определено случайными обстоятельствами. Но это был абсолютно

³ The Works of Nikolai D. Kondratiev / transl. by S. Wilson; ed. by N. Makasheva, W. Samuels, V. Barnett: 4 vols. L.: Pickering & Chatto, 1998.

 $^{^4}$ Сэмюелс У.Дж. Некоторые замечания об экономической реформе в России с точки зрения эволюционной перспективы // Эволюционный подход и проблемы переходной экономики: доклады и выступления участников международного симпозиума, г. Пущино, 12—15 сентября 1994 г. М.: ИЭ РАН, 1995. С. 242—247.

 $^{^5}$ Сэмюелс У. Историк экономической мысли о трудах Сергия Булгакова // Экономика и культура: материалы международной научной конференции, Москва, 11-13 октября 1994 г. М.: ИСЭПН, 1995. С. 144-160.

счастливый случай. Поскольку важно было представить Н. Кондратьева не только как автора концепции больших циклов (хотя бы и познакомив зарубежных исследователей с неизвестными им обстоятельствами, с ней связанными), но и как методолога и экономиста-практика, трудно было найти более походящего лидера проекта. Благодаря своему авторитету Сэмюелс смог привлечь к работе видных специалистов и, что не менее важно, убедить издательство осуществить проект и обеспечить его высокий научный уровень.

К сожалению, Сэмюелсу не повезло с публикациями на русском языке. Их крайне мало⁶, несмотря на то что первое знакомство российского читателя с этим экономистом состоялось еще в далеком 1981 году. Тогда на русском языке был опубликован сборник статей «Современная экономическая мысль»⁷, включающий работу Сэмюелса «Идеология в экономическом анализе»⁸. Это издание стало настоящим событием, поскольку давало представление об эволюции западной экономической мысли в XX в., разнообразии существовавших школ, проблем и подходов, знакомило с активно работавшими на Западе экономистами, в конечном счете пробивало брешь в стене, отделявшей отечественную экономическую науку от мировой.

Статья Сэмюелса, помещенная в настоящем выпуске «Истоков», в определенном смысле продолжает и развивает линию аргументации, предложенную в «Идеологии в экономическом анализе» и некоторых других его работах. Выбор именно этой статьи обусловлен еще и тем обстоятельством, что проблема «чистоты» и объективности экономического знания, его сложной взаимосвязи с экономической реальностью никогда не была столь актуальной, как сегодня.

Чтение текстов У. Сэмюелса — занятие, требующее определенных усилий со стороны читателя, и в этом отношении предлагаемая работа вполне типична. Однако глубина мысли и оригинальность позиции автора послужат вознаграждением.

© Макашева Н.А., 2015

⁶ К вышеуказанным могу добавить: *Сэмюелс У.* Торстен Веблен как экономист-теоретик // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 99—177.

Modern Economic Thought / ed. by S. Weintraub. The University of Pennsylvania Press, 1977.

 $^{^{8}}$ Сэмюелс У.Дж. Идеология в экономическом анализе // Современная экономическая мысль. М.: Прогресс, 1981. С. 661—682.

У.Дж. Сэмюелс

«ИСТИНА» И «ДИСКУРС» В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ОЧЕРК ОБ ОТНОШЕНИИ ЗНАНИЯ К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Перевод сделан по: *Samuels W.J.* "Truth" and "Discourse" in the Social Construction of Economic Reality: An Essay on the Relation of Knowledge to Socioeconomic Policy // Journal of Post Keynesian Economics. 1991. Vol. 13. No. 4. P. 511—524.

Люди хотят достоверного, чтобы не сказать абсолютного, знания¹. Трудно удержаться от того, чтобы не заметить, что существуют два типа людей: те, кому совершенно необходимы определенность и законченность, и те, кто способен допустить неоднозначность и незавершенность. Большинство, скорее всего, относится к первому типу, хотя стремление к абсолюту вовсе не означает, что абсолют существует; то, что люди принимают как «факт», «реальностью» может и не быть. Стремление людей к обладанию досто-

¹ Понятие «достоверность» по существу психологическое, но при этом имеет межсубъектный характер и, следовательно, связано с внутренними психологическими потребностями и мотивами индивида, свойствами группы, к которой он принадлежит, со степенью приверженности индивида группе, консенсусом внутри нее. Наличие этих психологических и социологических обстоятельств свидетельствует в пользу аргумента, выдвигаемого ниже и состоящего в том, что ни одну из эпистемологических (или дискурсивных) позиций нельзя рассматривать как простое отражение действительности. Далее мы проанализируем природу этих позиций и коснемся их самодостаточного характера.

верным знанием объясняется по крайней мере тремя причинами. Во-первых, оно связано с их верой в то, что действия и политика, базирующиеся на знании, должны исходить скорее из верных, чем из ложных представлений. Во-вторых, источником этого стремления являются убеждения, которые принимаются за истинное знание и служат основой действий, направленных на сохранение или изменение институциональных структур и практик. В-третьих, стремление к обладанию достоверным знанием обусловлено потребностью в «успокоительном средстве», которое снимало бы тревожность, сопутствующую нашей жизни в условиях непредсказуемости, когда наша значимость как индивидов и как вида оказывается под вопросом.

Потребность в достоверном знании породила множество различных систем представлений: анимизм, антропоморфизм, магию, теологию, общую философию, метафизику, эпистемологию, науку, рационализм, эмпиризм, логический позитивизм, логический эмпиризм, идеологию, философию науки, социологию знания, герменевтику, литературную критику, социологию науки, структурализм, философскую лингвистику и т.д. Некоторые пытаются определить природу и признаки достоверного знания; другие же, а возможно и все, сомневаются или пытаются разобраться в том, какие существуют идеи относительно природы и признаков достоверного знания. Кто-то поддерживает, а кто-то подвергает сомнению проект под названием «знание», коль скоро его целью является Истина. Кто-то утверждает: что бы ни принималось за знание (Истина или истины), в действительности оно тесно связано с дискурсом, вымыслом и риторикой. Неизбежно возникает проблема самодостаточности: поставить вопрос об основах достоверного знания значит поставить вопрос об основах знания, которое принято в качестве достоверного. Почти всегда в качестве возражения уместно спросить: «Откуда Вы это знаете?»

В последние полвека развитие эпистемологии и философии науки привело к тому, что прежняя вера многих в эпистемологию вообще и в позитивизм в частности оказалась подорванной. За этот период продвижения в анализе дискурса *как такового* дали дополнительный повод усомниться в существовании достоверного знания.

Эти продвижения достигли критического момента, после которого по этому вопросу, вероятно, начнет складываться консенсус. Если же наше ощущение приближающегося консенсуса несколько преждевременно, то лишь из-за широко распространенного желания людей, а возможно, их фундаментальной потребности обладать надежным, если не абсолютным знанием. Однако если консенсус действительно сложится, хотя бы среди интеллектуалов, это будет иметь огромное значение для исследований и практики во всех областях научного знания, особенно для наук о человеке и социальных наук, включая экономику: причем не просто для исследований и практики, но и для психодинамики нашего восприятия этих наук.

Цель этого эссе — дать представление о предлагаемом решении, или синтезе, который признает важность, во-первых, эпистемологии и ее границ и, во-вторых, анализа дискурса. Все это исключительно значимо в контексте социального конструирования реальности: то, что мы делаем с помощью эпистемологии и дискурса, особенно важно, поскольку это влияет на наши действия, индивидуальные или коллективные, и таким образом (ре)конструирует экономику, политику и общество. Мы ограничим дискуссию социальными науками, хотя многие темы актуальны и для естественных наук; более того, изначально они были подняты в рамках последних. При этом описанная нами ситуация не является специфической для экономики². Наш подход предполагает серьезные ограничения разумности человеческого стремления к досто-

² Данный очерк продолжает линию рассуждения, представленную в других работах автора (Samuels W.J. A Critique of the Discursive Systems and Foundation Concepts of Distribution Analysis // Analyse & Kritik. 1982. Vol. 4. P. 4—12; Samuels W.J. The Idea of the Corporation as a Person: On the Normative Significance of Judicial Language // Corporations and Society: Power and Responsibility / ed. by W.J. Samuels, A.S. Miller. Westport, CT: Greenwood, 1987; Samuels W.J. An Essay on the Nature and Significance of the Normative Nature of Economics // Journal of Post Keynesian Economics. 1988. Vol. 10. P. 347—354; Samuels W.J. Determinate Solutions and Valuational Processes: Overcoming the Foreclosure of Process // Journal of Post Keynesian Economics. 1989. Vol. 11. P. 531—546; Samuels W.J. The Methodology of Economics and the Case for Policy Diffidence and Restraint // Review of Social Economy. 1989. Vol. 47. P. 113—133; Samuels W.J. Introduction // Economics as Discourse / ed. by W.J. Samuels. Boston: Kluwer, 1990; Samuels W.J. Review of the Philosophical Entries in "The New Palgrave" // Economics and Philosophy. 1990. Vol. 6. P. 301—309).

верному знанию и поэтому основывается на том, что многое, если не все, что мы считаем знанием, особенно в социальных науках, в высшей степени условно, проблематично и относительно. Многое из того, что признается знанием, базируется на принятии отдельными людьми или обществом некой парадигмы, мировоззрения и (или) некой модели дискурса и имплицитных сущностных и эпистемологических установок, которые складываются в набор исходных убеждений.

К синтезу и решению

Вполне возможно, что консенсус так и не будет достигнут. Люди слишком сильно хотят получить надежное, заслуживающее доверия знание и поэтому склонны отвергать критические замечания в его адрес. И, возможно, не только представители доминирующей в каждой науке эпистемологии, но всякий человек вообще, скорее всего, будут выбирать из этих исходных убеждений наиболее привлекательные. Если возникнет консенсус (а это совершенно не обязательно), то он может иметь различные варианты. Синтез и решение, которые представлены ниже, позволят найти компромисс между критикой, нашими эпистемологическими потребностями и существенными ограничениями, которые ставит нам практика.

Эпистемология

Эпистемология — важная тема, обсуждение которой нельзя обойти или просто прекратить. Проблема требований, предъявляемых к знанию, важна; и надо ценить стремление людей к достоверному знанию, на основании которого можно было бы давать практические рекомендации. Мы с готовностью отдаем должное и позитивистским попыткам дать объективное, подтверждаемое и воспроизводимое определение реальности скорее через выделение наблюдаемых явлений и связанных с ними понятий, а также свойств и операций, чем через обозначение исходных понятий, абсолютов и смыслов.

Запрос на абсолютистскую, предписывающую эпистемологию, однако, не был удовлетворен. В частности, позитивизм на-

толкнулся на такие эпистемологические и дискурсивные ограничения, что это породило сомнения в том, что он может дать исследованию.

Эпистемология может и должна заниматься скорее разработкой критериев знания, чем рекомендаций. Она должна выявлять различные альтернативные наборы критериев (с соответствующими ограничениями), зависящих от требований к статусу знания. В этом случае индивиды и группы людей получат возможность выбора. Нереальность установления окончательного, абсолютного, предписывающего набора таких критериев не должна служить препятствием для выбора отдельными индивидами определенной эпистемологической позиции и следования ей независимо от характера ее ограничений. Она не должна мешать признавать наличие различных критериев и при этом ориентироваться на собственные предпочтения. Вопреки некоторым предпочтениям, притязаниям или убеждениям, методологический плюрализм всегда существовал, и эта практика должна быть явным образом обозначена. Методологический плюрализм — это единственный принцип, который согласуется и с нашими желаниями, и с существенными ограничениями эпистемологической практики.

Специалистам следует быть более внимательными к жестким ограничениям той эпистемологии, которую они предпочитают. Ранее мы в основном приняли определенные методологические позиции и применили их таким образом, что, формально признавая наличие ограничений, по существу их игнорировали. Это верно в отношении всех концепций, используемых в научной практике. Нам нужно осознанно и окончательно признать жесткие эпистемологические ограничения нашей работы. Осмысленность любого набора эпистемологических критериев зависит как от их сильных, так и от слабых сторон.

В особенности необходимо признать, что знание, тождественное Истине, получить сложно. Нечто, принимаемое нами за знание, обычно несет специфические черты той или иной парадигмы и эпистемологии. Доказательства его достоверности по большей части базируются не на фактической верификации или фальсификации, а на соответствии данной парадигме. То, что мы принимаем за знание, скорее всего, имеет также социологическую и дискур-

сивную основу, оно проходит через сознание людей, сформированное под воздействием культурных факторов. Метаосновы всех эпистемологических и других философских позиций в высшей степени проблематичны. В социальных науках «смысл» более важен, чем Истина; он создается людьми и часто содержит проекции их ожиданий, опасений и (или) желаний и совсем не обязательно отражает некую конкретную абсолютно трансцендентную реальность. Подобно тому, как данные «нагружаются» теорией, теория часто, если не всегда, является продуктом селективного опыта, перцепций и интересов. В экономической науке и теория, и эмпирика несут на себе отчетливую печать тех ограничений и допущений, которые считаются необходимыми для получения определенных, оптимальных, взвешенных результатов. Такие ограничения накладываются на описания, объяснения и анализ. Это, в свою очередь, ведет к тому, что либо анализ процессов, происходящих в «реальном мире», и действий экономических акторов заменяется упражнениями по решению умозрительных задач, либо и эмпирическая база, и методы анализа становятся объектом манипуляций, призванных дать нужный результат.

С точки зрения методологического плюрализма могут существовать различные критерии для того, чтобы признать знанием те или иные теории или утверждения. Эти критерии могут относиться к следующим областям: 1) космология; 2) метафизика; 3) наука или позитивизм, включая различные комбинации индукции и дедукции; 4) здравый смысл, включая прагматизм.

Должна появиться возможность для того, чтобы заняться идентификацией, осмыслением и формулировкой тех оснований, в соответствии с которыми мы принимаем нечто в качестве знания. Необходимо внести ясность в вопрос о том, на чем строятся наши убеждения. Такой подход не должен привести к самонадеянной раздаче предписаний, хотя формулирование и защита принятых критериев не должны мешать нашим попыткам убедить других в преимуществах этих критериев. Однако наш взгляд должен быть достаточно объективным и широким, чтобы признавать границы этих преимуществ, а также неизбежные слабости, сопровождающие сильные стороны того или иного подхода. Интеллектуальное высокомерие должно уступить место терпимости.

Должна открыться и возможность пойти дальше словесных заверений о том, что прогресс науки и получение знания немыслимы без критики. В экономической науке слишком часто происходит так, что единственным видом критики, который принимается, является критика изнутри данной школы или в рамках данного эпистемологического подхода. Иными словами, имеет место рабская привязанность к принятым методологическим и содержательным доктринам. Интеллектуальная зрелость предполагает преодоление эгоцентризма и осознание того, что, коль скоро мы не можем быть всем для всех, ни одна из эпистемологий не может удовлетворить всем возможным представлениям о знании. Понятие Истины должно быть заменено большим знаком вопроса. Нам необходимо подтвердить роль критики, а также признать условность достоверного знания.

Для поколения, которое было воспитано на эпистемологии позитивизма или логического эмпиризма, такая позиция как минимум некомфортна. Необходимо признать, что логический эмпиризм являлся идеологией науки. Его задача состояла в легитимации статуса науки и ученых, а также в том, чтобы скрыть от большинства людей пределы науки, свести к трюизмам серьезные эпистемологические проблемы и замаскировать тот факт, что сама научная практика тех, кто верил в достоверное знание, не согласовывалась, да и не могла согласовываться, с предписаниями науки.

Дискурс

Значение теорий и утверждений не исчерпывается их эпистемологическим статусом. Утверждения и теории должны также рассматриваться как лингвистические и риторические феномены, а следовательно, как дискурс.

Гуманитарные или общественные науки, и в первую очередь экономика (в первую очередь, поскольку она наиболее очевидным образом претендует на статус «настоящей» науки), по существу представляют собой не только эпистемологические, но и социологические явления, связанные с дискурсом. Они представляют собой системы убеждений и способы дискурса. Смысл исторического, социального, политического и экономического явления создается, открывается и пересматривается человеком. Общественные

науки, включая определенные научные школы, сложились как способы дискурса, как повествование, содержащее наборы метафор, строгий смысл которых не определен. Эти науки — способ размышления о мире, система верований, мировоззрений. Они являются некими представлениями реальности, каковы бы ни были их эпистемологические основы. Категории, в которых ведется такой дискурс, являются понятиями и смыслами, с помощью которых мы осознаем экономику, политику и общество. Понятия, используемые в таком дискурсе, являются знаками, смысл которых не обязательно происходит из внешнего мира, а конструируется человеком, причем одни знаки взаимодействуют с другими. Понятие имеет лишь тот смысл, который мы в него вкладываем и затем используем. Различные направления научной мысли отдают предпочтение различным понятиям, различным значениям, различным представлениям реальности. Экономическая наука создала системы дискурса, в терминах которых объясняется и обсуждается то, что считается экономикой. Доминирующее направление экономической мысли, неоклассическая теория, являет собой иерархическую дискурсивную позицию, проистекающую из представления западной цивилизации о самой себе, например, как о пространстве, где действуют автономные, самодостаточные индивиды, нацеленные на максимизацию собственной выгоды. Одновременно она подтверждает эти представления.

Эпистемология, понимаемая как исследование критериев языка, является поэтому лишь частью, хотя и важной частью, процесса, который можно назвать определением реальности. Мы также должны отдать должное другой его части и исследовать системы дискурса, с помощью которых люди изучают себя и общество. Критика эпистемологии в течение длительного времени состояла в критике отдельных эпистемологических позиций изнутри собственно эпистемологии; и коль скоро доминирующей модернистской эпистемологией являлся логический эмпиризм, критика эпистемологии по большей части приняла форму критики логического эмпиризма. Однако критика логического эмпиризма, возможно именно ввиду его большой сложности, также включала критику эпистемологии как таковой. Это подтверждает в общем виде, но со всей определенностью, что существует нечто большее для понимания смысла,

чем эпистемологические предписания, и что эпистемологию необходимо понимать как часть процесса убеждения, т.е. риторики.

Критика эпистемологии также подтверждает, что язык как таковой — это способ, посредством которого мы интерпретируем воспринимаемые объекты, являющиеся предметом нашего рассмотрения; что изучение как таковое происходит через определенные модели дискурса и что большая часть воспринимаемого нами как знание в действительности является предметом дискурса, — а возможно, и только им. Доктрины, парадигмы, модели и теории всех школ экономической мысли, например марксизма, посткейнсианства, институционализма, представляют собой социальные и интеллектуальные конструкты, формирование которых происходит с использованием элементов языка. Именно язык соединяет убеждения, парадигму или мировоззрение, тем самым создавая смыслы. Язык же сам по себе является социальной конструкцией, а не отражением реальности.

Таким образом, к условности, с которой мы формулируем утверждения и теории, выведенные из того, что стало общепринятым на основе эпистемологических соображений, необходимо добавить и условность, связанную с дискурсивной природой языка, используемого в утверждениях и теориях. «Рынок» — это метафора, и представления о корпорации как об «индивиде», а об экономике как о совокупности индивидов и корпораций могут меняться, хотя экономика по-прежнему может описываться в терминах «рынки» и «корпорации». Совершенно очевидно, что нам следует обратиться к понятиям, в которых мы осмысливаем реальность; это те же самые понятия, которыми оперируют утверждения и теории и к которым мы предъявляем тот или иной набор эпистемологических критериев.

Утверждение о важности анализа предполагаемого знания как дискурса не означает призыва к отказу от классической концепции истинного знания (или истины) или от строгого определения каузальности и других механизмов, т.е. от анализа того, что «в действительности происходит». Анализ дискурса не исчерпывает задач социальных исследований, хотя, наряду с эпистемологией более высокого уровня и сложности, он подчеркивает трудность, если не очевидную невозможность, реализации этого проекта.

Социальное конструирование реальности

Предшествующее обсуждение эпистемологии и анализа дискурса, несомненно, приложимо к исследованиям элементарных частиц, геологии Земли, структуры галактик и ко всему предметному полю естественных наук. В еще большей степени оно приложимо к предмету общественных наук. Экономика (и политика, и общество в целом), в отличие от Солнечной системы или атома, строится и перестраивается человеком³. Идеи, к которым мы применяем различные наборы эпистемологических критериев и которые формулируются в терминах и знаках, существующих в данной системе дискурса, живут в социально (ре)конструированной реальности.

У этой социальной (ре)конструкции есть два альтернативных значения: в первом случае осуществляется социальное конструирование смысла, который мы придаем экономике, притом что последняя существует независимо; во втором — происходит социальное конструирование и экономики как таковой, и придаваемого ей смысла. Коль скоро наше знание об экономике — это тот смысл, который мы ей придаем, даже если она существует независимо, проблемы анализа дискурса и эпистемологии, бесспорно, всегда имеют к ней непосредственное отношение. О каком бы из значений ни шла речь, наиболее полезным было бы следующее предположение: экономика не существовала бы, если бы не существовали люди; экономика представляет собой артефакт, результат человеческой социальной (ре)конструкции.

В той мере, в какой экономика является артефактом, для социальной (ре)конструкции важно не столько то, что «истинно» в эпистемологическом смысле, сколько то, во что люди верят и на основании чего они действуют, а именно то, что отчасти создается

³ Если не будет человечества, то не будет и экономики, а Солнечная система и атомы будут. В этом смысле экономика отличается от Солнечной системы. Физическое содержимое земных недр существует независимо от человека; их же значение как полезных ископаемых — исключительно связано с человеком. То же самое было бы, если бы человечество могло использовать Солнечную систему или манипулировать ею подобно тому, как оно использует минералы и металлы для изготовления средств производства и потребительских товаров, а атомы — для создания ядерного оружия.

и развивается посредством языка. Если люди принимают парадигму производительности и мыслят в ее рамках, они будут проводить и поддерживать иную политику и создавать иную экономику, действовать иначе, чем если бы они принимали парадигму эксплуатации и мыслили в ее рамках.

Именно потому, что знания-убеждения играют важную роль в социальной (ре)конструкции экономики, политики и общества, идеи, теории, парадигмы, утверждения и модели обязательно имеют политическую составляющую, а эпистемология и анализ дискурса — политическую природу, и поэтому являются объектом не только изучения, но и манипулирования. Контроль над языком и знаниями-убеждениями — это контроль над определением реальности и, таким образом, над политикой, а следовательно, и над социальной (ре)конструкцией «реальности».

Комбинация полной неопределенности (в том смысле, что нам не дано знать социальное будущее до тех пор, пока оно не наступит, а оно не наступит до тех пор, пока мы не создадим его) и социальной (ре)конструкции реальности означает, что из нескольких, и вероятно многих, возможных вариантов будущего лишь один реализуется в какое-то время и в каком-то месте. В той мере, в какой общественная наука «объясняет» или каким-то образом исследует положение вещей, она изучает то, что уже состоялось, придавая этому состоявшемуся особый статус и тем самым затушевывая и лишая значимости то, что (пока) не состоялось, но должно где-то и когда-то состояться. Это, конечно, является ограничением эмпирического подхода, которое устанавливается из эпистемологических соображений, но это также является и ограничением нашего дискурса, который имеет двойственную причинно-следственную связь с тем, что уже осуществилось.

Идея социальной (ре)конструкции реальности сама по себе — непременно и неизбежно политическая. Она открывает дорогу изменениям, указывая на производный характер актуализированной реальности, вынося на публичное обсуждение выбор, который был сделан в прошлом и делается в настоящем. При этом, возможно, в других отношениях ее значение не столь очевидно.

Идея социальной (ре)конструкции реальности (сама по себе концептуализация реальности) подчеркивает важность избира-

тельного восприятия, а также селективное усвоение нормативных установок в процессе, посредством которого реальность социально реконструируется. Контроль над дискурсом — это контроль над перцепциями, установками, а следовательно, над действиями и относительной актуализацией различных возможностей. Не трудно представить, каким образом в ситуации, когда избирательная перцепция соединяется с иерархическими социальными структурами, убеждения производятся и подвергаются манипулированию. Это не всегда и не вполне заслуживает осуждения. В этих процессах проецируются отдельные ожидания и стремления людей, а также идеи, порождаемые мифологической и символической системой общества. И эти проекции и идеи будут работать как на изменения, так и на преемственность, будут поддерживать те или иные структуры свободы и контроля, те или иные комбинации иерархии и равенства.

Дать определение реальности — значит внести вклад в ее реконструкцию. Определение реальности логически предполагает, что она существует, подобно тому как систематизация опыта означает, что таковой опыт существует. Иными словами, и то и другое предполагает нечто, существующее независимо от человеческого разума, исходных установок и теорий или существовавшее до их появления. В общественных науках то, что мы считаем реальностью, скорее всего, по большей части представляет собой лишь предполагаемый базис, на котором происходит реконструкция реальности, а не онтологически данную реальность 4. Все мы рождаемся и воспитываемся в обществе, которое нам приходится воспринимать как реальное, и каждый из нас, просто живя в обществе и будучи его составной частью, вносит свой вклад в его реконструкцию, тем самым способствуя созданию общества, которое позднее будет восприниматься людьми как реальное. Фрэнк Найт, как и ряд других авторов, утверждал, что связь между знаниями и политикой имеет для людей решающее значение. Он считал также, что человеческое общество не так уж отличается от обычных игр, таких

⁴ Во время подготовки этой статьи мне довелось услышать дискуссию о возможности легализации однополых браков. По утверждению одного из ее участников, подобные союзы — не то же самое, что настоящий, «реальный» брак.

как, например, футбол или покер: все они созданы людьми и не существуют априори как независимая от человека реальность.

Можно возразить, что, хотя люди и придают смысл реальности и с этой точки зрения создают ее, существующая на тот или иной момент реальность на самом деле не является человеческим творением. Это возражение, однако, не противоречит изложенному выше. Люди, конечно, задействованы — по крайней мере, в осмыслении социальной реальности, и в этом плане социальная реальность — творение человека. Но даже если в представлениях людей господствует детерминизм, их отношение к социальным процессам не будет пассивным. Что-то мы приветствуем, а что-то нет; какието системы социальной организации мы предпочитаем, а какие-то вызывают у нас отвращение и т.д. Общественные науки (как описание и объяснение происходящего и как обоснование политики), а также социальная и экономическая политика исходят из предпосылки о важности человеческой деятельности. Даже те идеологические направления, которые проповедуют «laissez-faire» и «невмешательство», предлагают программы действий для правительства, и эти программы, хоть и в иной форме, тоже содержат инструменты социальной (ре)конструкции реальности. Если бы экономическая роль правительства была заданной и являлась неотъемлемой частью реальности, не было бы никакой необходимости делать выбор между консерваторами, либералами, радикалами и т.д. — и не было бы никакой разницы между результатами сделанного выбора.

Несмотря на несовместимость анализа дискурса с господствующей методологией логического эмпиризма, а также несмотря на конфликт между верой в истину как объект знания о реальности и признанием ее социальным конструктом, высказанные в этом очерке идеи не являются ни радикальными, ни противоречащими соображениям ведущих представителей мейнстрима и других экономистов. Хорошо известна позиция Д. Макклоски, не только теоретика и специалиста в области эконометрики, но и историка экономической мысли и при этом — одного из лидеров направления, рассматривающего экономическую науку с позиций риторического подхода. Близкая точка зрения высказывалась и другими экономистами, пусть и не в таком развернутом виде и не так безоговорочно. Теоретик общего равновесия Рой Вайнтрауб, по всей

вероятности, стал первым, кто был готов признать то, что вытекает из дискурсивной и допускающей различные толкования природы экономики. За ним вскоре последовали Арьё Кламер и Уильям Брейт, а также Джек Амарильо и Дональд Лавуа. Роберт Солоу не пошел так далеко и был не столь решительным, однако и он соглашался с тем, что господствующая вера экономистов мейнстрима в «единственно верную модель» имеет социальную природу⁵. Склонность рассматривать экономическую науку как язык обнаруживали и те теоретики, работы которых в остальных отношениях никак не были связаны с анализом дискурса или риторики. Джек Хиршлейфер называет экономику «всеобщей грамматикой общественных наук»⁶. Джордж Стиглер пишет, что «дефиниции не дают никакого знания о реальном мире, но влияют на восприятие мира» 7 , — и, следовательно, они важны как для теории, так и для политики. Мартин Бронфенбреннер упоминает о той высокой оценке, которую он дал «теоретической механике системы цен... как интеллектуальной конструкции»⁸. Развитие мысли, часто неосознанно, движется в указанном нами направлении, делая соответствующие идеи частью обычного дискурса.

Выводы

Эпистемология оперирует понятием истины, а анализ дискурса — смыслами. Каждый из этих подходов сопряжен с серьезными проблемами и имеет ограничения, связанные отчасти с природой объекта, а отчасти с тем, каким образом каждый из этих подходов

⁵ Solow R.M. Economic History and Economics // American Economic Review. 1985. Vol. 75. P. 330; Solow R.M. Comments from Inside Economics // The Consequences of Economic Rhetoric / ed. by A. Klamer, D.N. McCloskey, R.M. Solow. N.Y.: Cambridge University Press, 1988. P. 30ff.

⁶ *Hirschleifer J.* The Expanding Domain of Economics // American Economic Review. 1985. Vol. 75. P. 53.

⁷ Stigler G.J. Memoirs of an Unregulated Economist. N.Y.: Basic Books, 1988. P. 94.

⁸ Bronfenbrenner M. Instead of a Philosophy of Life // American Economist. Fall 1988, Vol. 32, P. 4.

реализуется. Приверженцам анализа дискурса следовало бы признать ограничения своего подхода подобно тому, как они поступают в отношении логического эмпиризма. Более того, понимая, что к методологическому плюрализму призывают люди, чьи идеи на данный момент не являются доминирующими, нам нужно позаботиться о том, чтобы их энтузиазм в отношении методологического плюрализма сохранился даже в том случае, если они окажутся в большинстве. А кроме того, мы должны помнить, что анализ дискурса не является исключительно поддержкой некой политической философии или программы.

Большая часть категорий, принципов, критериев и дихотомий не существуют сами по себе. Они требуют соответствующей среды. Они применимы не только в тех случаях, когда к ним обычно обращаются. По-видимому, суть дела заключается в том, что, даже когда мы думаем иначе, мы не свободны от необходимости делать выбор, вводить дополнительные предпосылки, причем обычно мы не осознаем важности этого. Знание — это процесс. Это процесс выбора (совсем не обязательно «рационального»). Даже если мы все согласимся с тем, что существует лишь единственная верная парадигма, модель, единственное объяснение, наши представления о том, какая именно модель является верной, все равно будут различными, и мы окажемся перед необходимостью выбора. То, что наблюдение «нагружено» теорией, что есть «проблема герменевтического круга» и «предтеоретическое видение», а также, inter alia, что знание, существующее в рамках различных парадигм, несопоставимо, — все это делает абсолютно необходимым выбор между парадигмами. Возможно, образование, психологические или какие-то иные обстоятельства побудят нас скептически отнестись к подобным утверждениям, а также к утверждению о существенной (но не полной) нерелевантности концепций, базирующихся на естественных науках. Однако в общественных науках мы обнаружили чрезвычайно много практик, которые не могут быть содержательно охарактеризованы или поняты без использования лингвистического аппарата и соответствующих концепций, приведенных выше. С одной стороны, социально-экономическая реальность так сложна и многогранна, что она может быть представлена поразному; разные индивиды рассматривают ее с разных точек эрения и, таким образом, определяют и интерпретируют неодинаково. С другой стороны, ученые, работающие в области общественных наук, одновременно являются социальными акторами в процессе (ре)конструирования реальности — акторами, которые часто верят в то, что они могут внести свой вклад в общественное развитие.

Я думаю, что должна существовать возможность быть эклектиком и агностиком в отношении эпистемологической и дискурсивной природы экономической науки. Нам нужно стремиться допускать двусмысленность и незавершенность — хотя бы потому, что, каковы бы ни были наши предпочтения, реальный процесс производства знания «в действительности» представляется процессом социального конструирования с присущими ему характеристиками неоднозначности и незавершенности.

Я с пониманием отнесусь к тому, что кто-то может расценить взгляды, представленные в этом очерке, как проявление бесхребетности, релятивизма, нигилизма, недисциплинированности, нездоровья и цинизма, присущих нашему веку. Но, как мне кажется, эпистемологический и дискурсивный плюрализм — это то, что вызвано к жизни проблемой достоверного знания, а не самообманом, пусть и искусным. Такой плюрализм вовсе не означает, что «все годится». Он указывает на то, что каждый индивид имеет свои собственные суждения. Альтернатива такому подходу — признание того, что «годится лишь что-то одно», а также близорукость, претенциозность и ложная уверенность.

Плюрализм означает допущение существования эпистемологических критериев и дискурсивных толкований, отличных от тех, которые мы сами предпочитаем, а также сознательное сопротивление приданию нашим предпочтениям статуса привилегированных. И это — задача, которая стоит перед людьми, а не перед реальностью или языком. Именно люди делают выбор, и факт этого выбора не должен быть заслонен ни результатом этого выбора, ни мнимой абсолютностью, создающей психическое ощущение *надежного* знания. Экономика утверждает, что все имеет свою цену: цена претензий на абсолют — реконструкция социальной реальности на основе заведомо ложных представлений.

Ощущение нигилизма, ниспровержения основ и анархии возникает отчасти в связи с потребностью в абсолюте, обеспечиваю-

щем психологический комфорт, отчасти в связи с необходимостью легитимации статус-кво и отчасти в связи с тем, что трудно, признавая относительность и обусловленность наших убеждений, продолжать смотреть на них серьезно. Правда, однако, и то, что все мы делаем выбор, а затем пытаемся не вспоминать этот факт. По наблюдению Кнорр-Цетины, общее правило состоит в том, что «научные статьи пишутся не для того, чтобы способствовать пониманию альтернатив, а для того, чтобы создать впечатление, что то, что было сделано, — это все, что могло быть сделано» Интеллектуальные поиски вообще и наука в частности должны стремиться к большему.

Многим кажется разумным полагать, что эта рациональная критика имеет смысл, только если признается, что истина существует. Но даже если мы все согласимся, что это так (при этом мы можем расходиться в представлениях о том, в каком смысле и в какой степени истина соответствует «реальности» — об этом мы уже говорили), мы все равно будем по-разному представлять себе собственно содержание этой истины. Таким образом, истина — это то. что индивиды принимают в качестве достоверного знания. Многое можно было бы извлечь из исследования матрицы подобных индивидуальных представлений, — конечно, если ее возможно обнаружить. Эта позиция может расстроить тех, кто воспринимает ее как составляющую скептицизма, нигилизма и (или) релятивизма. Возможно, в свете ограничений как эпистемологии, так и анализа дискурса, а также в свете социальной (ре)конструкции реальности такой инструментализм — это то, к чему в конечном счете на практике сводятся все позиции. Так или иначе, «истина» часто ассоциируется с интересами, продуктом, сознательно произведенным в идеологических целях, властью и (или) материальными выгодами: у нас есть политические, а также эпистемологические и дискурсивные основания для скептицизма и недоверия.

Признание открытости методологического плюрализма и анализа дискурса, чрезмерно нагруженного релятивизмом и нигилизмом, не означает, что утрачивают значение доказательность,

⁹ Knorr-Cetina K.D. The Manufacture of Knowledge. Elmsford, NY: Pergamon Press, 1981. P. 42.

характер и качество аргументов. Напротив, они становятся еще более важными, поскольку мы уже не можем считать (или делать вид), что большая часть того, во что мы верим, на самом деле является отражением мира или непреложным фактом. Отдельные простые факты, безусловно, существуют, как, например, даты и события Гражданской войны, битва при Гастингсе или атака на Перл-Харбор. Однако по большей части такие факты — предмет конвенции или договоренности (как, например, григорианский календарь), и в этом смысле они не обладают собственным бытием. Важные вещи не являются простыми и не сводятся к непоколебимым и однозначным фактам. Многие из сложных фактов являются предметом интерпретации: атака на Перл-Харбор — это одно, а ее геополитическое объяснение или геополитическое объяснение Гражданской войны и, следовательно, ее «значение» — это другое. Часто подобные вещи становятся предметом достижения согласия и взаимопонимания. Действительно, «оболочка цивилизации», неодинаковая в разных обществах и изменчивая во времени, образована именно этим всеобщим согласием, а не упрямыми объективными фактами. Хотим мы это признавать или нет, но на каком-то уровне объяснения или понимания, считающегося адекватным, надежным или принятым, субъективизм — явление повсеместное, независимо от того, в какой степени и каким образом мы обращаемся к убеждениям.

Перевод с английского Е.В. Виноградовой

В.С. Автономов

ПАМЯТИ МАРКА БЛАУГА (1927—2011)

Марк Блауг — наверно, самый известный после Шумпетера историк экономической науки. Он сказал свое веское слово также в экономической методологии и экономике образования. Его учебник-бестселлер «Экономическая теория в ретроспективе», книга «Экономическая методология: как экономисты объясняют», принадлежащие его перу сборники кратких портретов выдающихся экономистов «100 великих экономистов до Кейнса» и «100 великих экономистов после Кейнса» хорошо известны российскому читателю, но этот перечень далеко не исчерпывает его наследие. За свою долгую жизнь Марк Блауг побывал гражданином трех стран: Нидерландов, США и Великобритании, и членом Британской и Королевской Нидерландской академий наук. Родился в Гааге, в семье еврейского промышленника, изготовлявшего плащи, детство провел в Амстердаме. Семье удалось покинуть оккупированную нацистами Голландию и выехать сначала в Лондон, а затем в Нью-Йорк, где Марк окончил колледж, а затем Городской университет Нью-Йорка. В аспирантуру, т.е. на Рh.D.-программу, Блауг поступил в более престижный нью-йоркский университет — Колумбийский, где его руководителем стал знаменитый Джордж Стиглер, будущий нобелевский лауреат, прославившийся не только как теоретик, но и как глубокий историк экономической науки. В Колумбийском университете преподавали в то время знаменитый исследователь экономических циклов Артур Бернс, будущий нобелевский лауреат Уильям Викри, видный институционалист Джон М. Кларк, автор «Великой трансформации» Карл Поланьи. Марк Блауг был человеком страстных интеллектуальных увлечений, но умел их переосмысливать и отвергать, когда обнаруживал, что они не ведут к истине. С юности ему были присущи вера в познаваемость мира и увлечение амбициозными теоретическими системами, претендовавшими на его объяснение. Первыми такими системами на его пути были марксизм и фрейдизм, которые, казалось, содержали ответы на все вопросы каждого

человека в отдельности и человечества в целом. Увлечение марксизмом дошло до того, что студент Блауг вступил в Коммунистическую партию США, где, впрочем, продержался недолго и откуда в 1945 г. был исключен за расхождение с генеральной линией. Он проявил солидарность с руководителем партии Браудером, смещенным со своего поста по настоянию Москвы за то, что тот продолжал в некоторых вопросах поддерживать президента Рузвельта, когда бывшие союзники по антигитлеровской коалиции уже стали расходиться по разные стороны баррикад холодной войны. Однако разрыв с партией не привел к немедленному отказу от теоретического марксизма. Понадобилось еще семь лет наблюдений за мировыми событиями, внутренней работы и чтения бывших марксистов, отпавших от «всесильного учения» (среди них назовем Артура Кестлера), чтобы Блауг перестал считать себя марксистом. Последним «аргументом» стал ввод советских танков в Восточный Берлин в 1952 г., свидетелем которого он случайно оказался.

Марку Блаугу, как и многим американским ученым левых взглядов, пришлось пострадать от маккартизма. Причем роль здесь сыграло даже не бывшее членство в компартии, а то, что молодой преподаватель Блауг подписал петицию студентов Городского университета, где он вел занятия, зарабатывая средства на оплату колумбийской Ph.D.программы. Студенты протестовали против увольнения по антикоммунистическим мотивам одной из коллег Блауга, а петицию у них, по правилам университета, могли принять, только если ее подпишет один из преподавателей. Единственным согласившимся это сделать и оказался Марк Блауг, второй раз пострадавший за сочувствие гонимым и попавший в критическое положение — его научная карьера оказалась под угрозой. Выручил кто-то из тайных доброжелателей, раздобыв грант на изучение экономической теории Рикардо и его школы в Лондоне. Давид Рикардо — основоположник «строгой теории» в экономической науке и непосредственный предшественник Марксаэкономиста, но без политических крайностей последнего — оказался мыслителем, настолько близким Блаугу по духу, что он не только успешно защитил в 1954 г. диссертацию о взлете и падении школы Рикардо, но и назвал Давидом Рикардо своего старшего сына (младший, очевидно по причине любви родителей к музыке Вагнера, получил имя Тристан). 27-летний доктор философии был сразу же принят преподавателем истории экономической мысли (assistant professor) в славный Йельский университет. «Детская болезнь левизны» в жизни Марка Блауга постепенно проходила. Тем, кто встречал Марка Блауга в последние десятилетия его жизни — а к ним относится и автор этих строк, — трудно было догадаться о бунтарском прошлом этого элегантного, слегка надменного джентльмена, напоминавшего английского лорда (по крайней мере, в нашем понимании того, как должен выглядеть английский лорд). Но позиция Блауга в право-левом континууме политических воззрений не сменилась на противоположную. По его собственному признанию, он со временем стал придерживаться правых вглядов в области экономической политики, но сохранил левые убеждения в вопросах политики социальной. Особенно четко это проявилось в период правления М. Тэтчер, социальная политика которой вызвала его яростное неприятие.

Но это будет потом, а пока молодой лектор читает взыскательным йельским студентам курс истории экономической мысли. Итогом этой работы станет его самая известная книга, которая выйдет в свет в 1962 г., выдержит пять изданий и будет переведена на все основные языки, — «Economic Theory in Retrospect». По непонятной прихоти издательского редактора ее русский перевод получил название «Экономическая мысль в ретроспективе», что неверно: не мысль, а именно теория. Блауг продолжил здесь традицию Йозефа Шумпетера, создавшего первую историю экономического анализа, т.е. специальных методов и инструментов исследования, применяемых экономистами, в отличие от истории экономической мысли, т.е. мнений и взглядов по экономическим вопросам, принадлежащих как профессионалам, так и дилетантам. Но если Шумпетер снабдил свою историю анализа описанием широкого исторического, философского и прочего контекста, то Блауг осуществил его программу создания чистой истории экономического анализа на практике. Впрочем, здесь у Блауга был и непосредственный предшественник — научный руководитель его диссертации Джордж Стиглер с работой «Теории производства и распрелеления».

В заглавии учебника Блауга важно не только слово «теория», но и слово «ретроспектива». Достижения экономистов прошлого рассматриваются и оцениваются с учетом современного состояния экономической теории. Автор исходит из наличия кумулятивного прогресса в экономических исследованиях, его история является, говоря в терминах самого Блауга, «абсолютистской», а не «релятивистской». Надо

сказать, что, несмотря на большой успех книги, Блауг впоследствии пересмотрел свой подход к истории экономической науки. В автобиографической статье для журнала «American Economist» Блауг написал, что абсолютистская интерпретация лишает историю идей всякого смысла и права на существование. Перемена точки зрения Блауга материализовалась, в частности, в выходившей под его редакцией серии «Schools of Thought in Economics». Таким образом, и в этой области Блауг проявил склонность к переоценке ценностей. Но для того чтобы история экономических учений стала интересной для йельских студентов конца 1950-х гг., требовалось именно то, что было сделано Блаугом в этой книге. Вера в могущество современной экономической науки никогда не была так велика, как в те годы, когда казалось, что «великий неоклассический синтез» в теории и кейнсианская политика экономического регулирования на практике в значительной мере достигли великих целей познания и исправления мира. С точки зрения этого достигнутого величия история экономической науки, естественно, воспринималась как последовательность шагов в правильном направлении, которые были учтены в современной теории, и ошибок, которые вряд ли заслуживали внимания.

Так или иначе, в 1962 г. подошел срок, когда должен был решаться вопрос о том, будет ли Марку Блаугу предоставлен постоянный контракт (tenure) в Йельском университете. Очевидно, что он мог надеяться на успех. поскольку добился в своей области выдающихся результатов. Однако в Париж, где Марк исследовал историю французской текстильной промышленности XIX в., из Йеля пришло известие о том, что в университете не нуждаются в постоянной ставке профессора по истории экономических учений. Видимо, шок от этой новости был настолько сильным, что 35-летний исследователь решил сменить не только область своих изысканий, но и страну проживания. Блауг, по его собственному признанию всегда чувствовавший себя европейцем, решил поселиться в Лондоне. Свободное же место в Лондоне нашлось только в сфере экономики образования: в Институте образования требовалось читать лекции для повышающих квалификацию учителей и администраторов. Впрочем, лекционная нагрузка была невелика, так что основное время можно было посвящать исследованиям, за которые Блаугу пришлось браться с нуля. Преподавал Блауг и в Лондонской школе экономики. Вначале его неприятно удивила теоретическая незрелость новой для него области исследо-

ваний — экономики образования, в которой господствовали весьма приземленные эмпирические работы. Но вскоре его вновь увлекла амбициозная теория — теория человеческого капитала Шульца и Беккера, которая обещала поставить экономику образования на научную основу. В итоге Блауг стал одним из признанных специалистов в области экономики образования, востребованным не только как теоретик, автор нескольких монографий, но и как эксперт. Он строит прогнозы численности рабочей силы и занятости, разрабатывает планы развития и финансирования образования для многих развивающихся стран по линии Международной организации труда. И вновь увлечение сменяется разочарованием: Блауг сталкивается с коррупцией и своекорыстием властей развивающихся стран, цель которых — получить деньги от международных организаций, а эксперты приглашаются только для того, чтобы помочь в этом «благородном деле», в остальном же их выводы остаются не востребованы. В теории человеческого капитала Блауг тоже перестал видеть универсальный ключ к решению проблем экономики образования — доходы людей зависят не только от того, что они знают, но и от того, как они себя ведут, какой сигнал посылают внешнему миру.

В середине 1970-х гг. Блауг возвращается к истории экономической науки и начинает активно заниматься ее методологией. Интерес к методологическим вопросам возник у Блауга ранее, когда он прочитал «Методологию позитивной экономической науки» Фридмена. Но решающий поворот к этой теме случился во время той же знаменательной стажировки в Париже в 1962 г., когда ему попалась книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги». Взахлеб прочитав ее, он взялся за все другие произведения Поппера, и перед ним открылся новый мир. Кумиры юности Маркс и Фрейд не выдержали испытания критерием фальсификации — их всеобъемлющие теории нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. Влияние трудов Поппера на Марка Блауга было чрезвычайно глубоким: даже стиль его методологических произведений своей безжалостной ясностью напоминает попперовский. Позднее, в Лондоне, он познакомился и подружился с Имре Лакатосом, философию науки которого воспринял как продолжение дела Поппера. В 1980 г. выходит книга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют» (2-е изд. — $1992 \, \text{г.}$), в которой Блауг с наибольшей полнотой изложил свое методологическое кредо и дал критический анализ некоторых отраслей современной

экономической теории. Можно сказать, что Марку Блаугу принадлежит самая серьезная попытка отстоять философию и методологию экономической науки, построенные на попперовских идеях. Думаю, что этому идеалу экономической теории, обращающейся к проблемам реального мира, — а такую теорию, по мнению Блауга, лучше основывать на эмпирически проверяемых выводах — он остался верен до конца и не подвергал его пересмотру. В этом духе выдержаны и его антиформалистические работы, одну из которых мы предлагаем вниманию читателей.

© Автономов В.С., 2015

М. Блауг

ФОРМАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1950-х годов

Перевод сделан по: *Blaug M.* The Formalist Revolution of the 1950s // Journal of the History of Economic Thought. 2003. Vol. 25. No. 2. P. 145—156.

I. Введение

В 1950-е гг. в экономической науке произошло событие, которое не было по достоинству оценено большинством экономистов и даже профессиональными историками экономической мысли. Наша наука пережила интеллектуальную революцию не менее глубокую и важную, чем так называемая кейнсианская революция довоенных лет. Я называю ее формалистической революцией (formalist revolution), следуя примеру Уорда¹, который первым распознал ту интеллектуальную трансформацию, которую претерпела экономическая теория после окончания Второй мировой войны.

Принято считать, что в период между двумя мировыми войнами в экономической науке главной тенденцией была борьба между институционалистами и неоклассиками. Однако, как нам недавно напомнили некоторые историки², для описания состояния эконо-

¹ Ward B. What's Wrong with Economics? L.: Macmillan, 1972. P. 40—41.

² Morgan M.S., Rutherford M. American Economics: The Character of the Transformation // From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism / ed. by M.S. Morgan, M. Rutherford. Annual Supplement to Vol. 30: History of Political Economy. L.: Duke University Press, 1998. P. 21—25; Mehrling P.G. The Money Interest and the Public Interest: American Monetary Thought, 1920—1970. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997; Yonay Y.P. The Struggle over the Soul of Economics:

мической науки в то время лучше всего подходит термин «плюрализм». То необыкновенно распространенное единообразие аналитического стиля среди экономистов, которое мы сегодня называем неоклассической экономической теорией, сложилось только в 1950-е гг. Преображение экономической науки в конце 1940-х и в 1950-е гг. точно названо «формалистическая революция», потому что оно отмечено тем, что экономисты стали отдавать форме экономического аргумента не просто предпочтение, но абсолютное предпочтение перед его содержанием. Это часто, хотя и не всегда, означало использование математического моделирования, потому что конечной целью была имитация пресловутой программы Гильберта в математической науке, т.е. полная аксиоматизация экономических теорий. Может быть, я преувеличиваю? Давайте рассмотрим некоторые из ведущих публикаций 1950-х гг.

Формалистическая революция 1950-х годов

- 1. Arrow «Social Choice and Individual Values», 1951.
- 2. Arrow and Debreu «Existence of Equilibrium for a Competitive Economy», 1954.
 - 3. Patinkin «Money, Interest and Prices», 1956.
- 4. Solow «Technical Change and the Aggregate Production Function», 1957.
- 5. Koopmans «Three Essays on the State of Economic Science», 1957.
- 6. Dorfman, Samuelson and Solow «Linear Programming and Economic Analysis», 1958.
 - 7. Debreu «Theory of Value», 1959.
- 8. Sraffa «Production of Commodities by Means of Commodities», 1960³.

Institutionalist and Neoclassical Economics in America between the Wars. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998; *Mirowski P.* Machine Dreams: How Economics Became a Cyborg Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 157, 190.

³ Arrow K.J. Social Choice and Individual Values. N.Y.: Wiley & Son, 1951; Arrow K.J., Debreu G. Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // Econometrica. 1954. Vol. 22. P. 265—290; Patinkin D. Money, Interest and Prices: An Interpretation of Money and Value Theory. Evanston, IL: Peterson, 1956. (2nd ed.

У нас недостаточно времени, чтобы рассмотреть каждую из этих работ по отдельности⁴. Однако центральное место тут определенно занимает доказательство существования общего равновесия, принадлежащее Эрроу и Дебре. В этой работе аккуратно представлены все худшие черты формализма, которые сводятся не просто к применению математических методов в экономической теории, но скорее к общему преклонению перед математическим моделированием как перед самостоятельной конечной целью, а также к пониманию равновесного решения математически сформулированной экономической модели как окончательного ответа на вопрос, с которого, собственно, началось исследование.

Формалистическая революция сделала существование и детерминированность равновесия краеугольным камнем экономического анализа. Но что же в этом нового? Ведь нахождение равновесного решения той или иной модели всегда было целью экономической теории? И да и нет. Равновесие является конечным состоянием процесса, который мы, экономисты, называем конкуренцией. Экономический анализ может придавать особое значение либо природе конечного состояния, либо природе конкурентного процесса, который, вероятно, движется по направлению к конечному состоянию; но экономический анализ редко в одинаковой мере может акцентировать и то и другое. В своих «Основаниях экономического анализа» Самуэльсон подчеркивает значение сравнительной статики как прогнозного инструмента теории цен⁵. Этот подход предполагает существование принципа, который Са-

Abridged; N.Y.: Harper & Row, 1989); *Solow R.M.* Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. No. 3. P. 312—320; *Koopmans T.C.* Three Essays on the State of Economic Science. N.Y.: McGraw-Hill, 1957; *Dorfman R., Samuelson P.A., Solow R.M.* Linear Programming and Economic Analysis. N.Y.: McGraw-Hill, 1958; *Debreu G.* Theory of Value: An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium. New Haven: Yale University Press, 1959; *Sraffa P.* Production of Commodities by Means of Commodities. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

⁴ См. подробнее: *Blaug M*. The Formalist Revolution of the 1950s // The Blackwell Companion to The History of Economic Thought / ed. by W.J. Samuels. Oxford: Basil Blackwell, 2003.

⁵ Samuelson P.A. Foundations of Economic Analysis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1947.

муэльсон называет «принцип соответствия» и согласно которому анализ устойчивости равновесия дополняет исследование его детерминантов. Плодотворные теоремы в сравнительной статике, утверждал он, требуют четкого моделирования тех изменений, которые вызываются состоянием неравновесия. Однако мало кто осознает, что в ходе формалистической революции 1950-х гг. само понимание равновесия как процесса было настолько предано забвению, что то, что сегодня называется неоклассической ортодоксией, экономической теорией мейнстрима, состоит из теоретических построений вокруг исключительно статичного конечного состояния равновесия. Устойчивости равновесия уделяется совсем мало внимания: динамичный процесс коррекции сохранился только в неортодоксальной австрийской экономической теории или в столь же неортодоксальной эволюционной экономике. Позвольте мне объяснить, что я имею в виду.

II. Переформулировка Вальраса, осуществленная Эрроу и Дебре

Знаменитая работа Эрроу и Дебре 1954 г. по сей день рассматривается как чисто научное доказательство существования общего равновесия в рыночной экономике, воплощение того, о чем Вальрас мечтал восемьюдесятью годами ранее. Однако с нашей точки зрения, эта работа также является идеальным примером того, как излишняя концентрация на природе равновесия может вытеснить анализ неравновесных процессов. Сразу после выхода в свет она стала превозноситься за смелое обращение к новым математическим методам, предполагающим замену дифференциального исчисления выпуклым анализом, за характеристику равновесия через теоремы о разделяющей гиперплоскости, а не через касательные, а также за применение тогда относительно новых инструментов — теории игр и равновесия по Нэшу⁶. Почти никто при этом не обратил внимания, что в этой работе — в одной из первых

⁶ Weintraub E.R. Stabilizing Dynamics: Constructing Economic Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 104—107.

в экономической теории — был использован так называемый непрямой, неконструктивный доказательный метод современной математической науки.

Для подтверждения существования общего равновесия Эрроу и Дебре опирались на «теорему о неподвижной точке» Брауэра. Суть логики этой теоремы в том, чтобы доказать какой-либо вывод, продемонстрировав, что его нарушение связано с логическим противоречием, поскольку несовместимо с одной или несколькими аксиомами модели. Подобное «неконструктивное» доказательство перескакивает от аксиом модели напрямую к ее финальному результату: вместо того чтобы сконструировать пример доказываемого положения, в данном случае положения о существовании равновесия, неконструктивное доказательство сводится к тому, что равновесие логически заложено в одной или нескольких аксиомах⁷. Современные доказательства существования равновесия à la Эрроу и Дебре неизменно неконструктивны в том смысле, что не пытаются показать, как достигается равновесие, но демонстрируют лишь, что существование равновесия логически предполагается определенными достоверными, не зависящими от каких-либо институтов предпосылками относительно экономического поведения. Можно сказать, что все эти доказательства подтверждают возможность существования равновесия, а не его действительное существование.

Более того, Эрроу и Дебре совершенно откровенно отрекаются от любых аргументов в пользу того, что теория общего равновесия позволяет дать точную описательную картину экономики. Чтобы доказать существование мультирыночного равновесия, им

⁷ Простое объяснение теорем о неподвижной точке см.: *Dorfman R., Samuelson P.A., Solow R.M.* Linear Programming and Economic Analysis. P. 371—375. «Теория общественного выбора» Эрроу (*Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values), вышедшая за три года до работы Эрроу и Дебре, является даже лучшим примером использования метода косвенного доказательства. В ней Эрроу постулирует набор правдоподобных условий, которые накладывают ограничения на функции благосостояния индивида и общества, а затем предлагает читателю математическое доказательство того, что невозможно удовлетворить всем этим условиям одновременно иначе, чем при диктатуре (*Mirowski P.* Machine Dreams. P. 303—305). Эта теорема невозможности, похоже, предполагает, что в условиях демократии коллективный выбор должен ограничиваться двумя альтернативами, но такой вывод связан с политическим устройством общества, а этот вопрос Эрроу не обсуждает.

приходится предположить существование форвардных рынков для всех предлагаемых благ и услуг, наличие полного набора условных (contingent) товарных рынков, отсутствие свободных денежных остатков у индивидов, отсутствие запасов у субъектов рынка, отсутствие банковского кредита и т.д. И даже при всем этом выясняется, что они не могут пролить свет на единственность или устойчивость общего равновесия. Эрроу и Дебре признают: «Для такого исследования устойчивости потребовалось бы охарактеризовать динамику конкурентного рынка»⁸. Не удивительно в таком случае. что они воспользовались относительно новым понятием равновесия по Нэшу, чтобы найти решение для «абстрактной экономики». Дело в том, что объяснение равновесия по Нэшу является негативным: равновесие по Нэшу в некооперативной игре таково, что независимая стратегия каждого игрока является наилучшим ответом на стратегии его или ее соперников и это верно для каждого игрока; коротко говоря, для такой игры не существует никакого равновесного решения, кроме равновесия по Нэшу, потому что в конечном счете никакой игрок не может улучшить результат. Обратите внимание, что при этом ничего не говорится о том процессе, который приводит к установлению равновесия; ни слова также не сказано об ожиданиях игроков, о верности их предположений относительно поведения других игроков, об их эпистемологических способностях к обучению и т.д. Равновесие здесь просто навязывается в качестве неподвижной точки, в которой закончились рыночные изменения⁹.

Очевидно, что статья Эрроу и Дебре — это оголтелый формализм. Некогда экономическая задача (вопрос о том, возможно ли вообще одновременное мультирыночное равновесие в реальной экономике) превратилась у них в математическую задачу о воображаемой экономике, и эта задача решается не по стандартам экономической науки, но по математическим стандартам¹⁰. Это чистой

⁸ *Arrow K.J., Debreu G.* Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy. P. 266.

⁹ Weintraub E.R. Stabilizing Dynamics. P. 108.

Walker D.A. Advances in General Equilibrium Theory. Cheltenham: Edward Elgar, 1997. Ch. 4.

воды бурбакизм, названный так в честь группы французских математиков, которые с 1939 г. продолжают работать над энциклопедическим трудом о математических структурах, иллюстрирующих Гильбертов аксиоматический метод¹¹. Дебре сам провозгласил себя бурбакианцем и разработал собственную теорию ценности, в которой превозносил преимущества формальной аксиоматизации: «Приверженность строгой научности диктует нам аксиоматическую форму анализа, при которой теория в узком смысле слова логически полностью отделена от своей интерпретации» 12. Купманс двумя годами ранее дал простое изложение этой новой бурбакианской экономической теории децентрализованного принятия решений 13.

III. Взлет и падение теории игр

Одна из исторических загадок рассматриваемого нами периода — это практически полное исчезновение теории игр в 1950-е и 1960-е гг., последовавшее за ее громким появлением на экономической сцене в 1944 г., когда была опубликована «Теория игр и экономическое поведение» фон Неймана и Моргенштерна. Нет никаких сомнений в том, что большинство экономистов разочаровалось в ранней теории игр. Возможно, это произошло потому, что она предлагала конкретные решения только для кооперативных игр с нулевой суммой, что для экономической науки малоактуально¹⁴. Однако после почти полного забвения теория игр вновь вернула себе утраченную популярность в 1970-е гг., став при этом чуть ли не единственным в экономической науке языком для ана-

¹¹ Weintraub E.R., Mirowski P. The Pure and the Applied: Bourbakism Comes to Mathematical Economics // Science in Context. 1994. Vol. 7. No. 2. P. 245—272; Mirowski P. Machine Dreams, P. 392—394.

 $^{^{12}}$ *Debreu G.* Theory of Value: An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium. P. 3.

¹³ Koopmans T.C. Three Essays on the State of Economic Science.

¹⁴ Luce R.D., Raiffa H. Game and Decisions. N.Y.: Wiley, 1957. P. 10—11; Dorfman R., Samuelson P.A., Solow R.M. Linear Programming and Economic Analysis. P. 445.

лиза интерактивного поведения рациональных акторов. Учитывая тот факт, что теория игр является, возможно, уникальным примером математической теории, явно изобретенной для применения в общественных науках, ее упадок, продлившийся почти целое поколение, выглядит столь же загадочным, как и ее триумфальное возвращение в последние двадцать лет¹⁵.

Ключом к пониманию падения и взлета теории игр в экономической науке являются исчезновение неравновесного анализа из вальрасианской микроэкономики и растущее внимание к конечному состоянию равновесия, что отличало ортодоксальную экономическую теорию в 1950-е гг. В период между двумя мировыми войнами и микроэкономика, и теория экономического шикла уделяли наибольшее внимание тому, что Джоколи¹⁶ называет «как и почему?» равновесного анализа. Равновесие с давних времен представлялось экономистами как баланс сил, но в 1920-е гг. Хайек порвал с этим стандартным механистическим пониманием равновесия. Он опубликовал серию эссе, описывающих динамическую концепцию равновесия как ситуации, в которой все планы экономических агентов постепенно приводятся в соответствие друг с другом и становятся согласованными, т.е. подтверждающими их ожидания¹⁷. Коротко говоря, центральным вопросом экономической науки до войны был вопрос о том, как именно мотивируемые собственными интересами агенты в контексте много-

¹⁵ Мировски замечает об этом: «Когда будет писаться история экономической науки последней четверти ХХ в., самым важным и необъяснимым явлением будет падение и взлет теории игр, прошедшей весь путь от малозначимого придатка исследования операций и теории принятия решений до центрального элемента ортодоксальной неоклассической экономической теории» (*Mirowski P.* Machine Dreams. P. 479).

¹⁶ Giocoli G. Fixing the Point: The Contribution of Early Game Theory to the Tool Box of Modern Economics / Department of Economics, University of Pisa: [Unpublished paper]. Pisa, 2000; Giocoli G. Equilibrium and Rationality in Modern Economics: From the Years of "High Theory" to the Foundation of Modern Game Theory: Ph.D. thesis / Universita degli Studi di Firenze. Firenze, 2000.

¹⁷ Ingrao B., Israel G. The Invisible Hand: Economic Equilibrium in the History of Science. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. Ch. 8; Weintraub E.R. Stabilizing Dynamics. Ch. 2, 5.

периодной модели принятия решений учатся формулировать и пересматривать свои планы и ожидания. Однако ранняя теория игр в том виде, в каком она описывается в произведении Неймана и Моргенштерна, выросла не из тех вопросов, которые волновали ортодоксальную экономическую теорию перед войной, но из математического формализма, ведущего свое начало от Гильберта. Среднестатистическому экономисту интересующего нас десятилетия (1950-х гг.), несмотря на усилия Эрроу и Дебре, было тяжело принять концепцию равновесия, основанную на доказательствах, связанных с теоремой о неподвижной точке, потому что эти доказательства нельзя было никак содержательно проинтерпретировать применительно к процессу достижения этого равновесия. Поэтому экономисты неохотно признавали раннюю теорию игр. Не сразу было усвоено также и понятие равновесия по Нэшу, сегодня распространенное повсеместно, потому что в работе Нэша, опубликованной в 1951 г., идея равновесия отстаивалась при помощи негативного доказательства, связанного с неподвижной точкой. В своей докторской диссертации Нэш предложил позитивное доказательство собственной концепции равновесия, прибегнув к тому, что он назвал «массовым действием» (mass action) 18 и что мы теперь называем «эволюционной» интерпретацией ¹⁹. Речь здесь идет об итеративном процессе приспособления. Ограниченно рациональные игроки, предположил Нэш, постепенно учатся корректировать собственные стратегии, чтобы получать большее вознаграждение, наблюдая за другими игроками, и этот процесс со временем приводит к наступлению равновесия по Нэшу. Однако по совету своего научного руководителя Дэвида Гейла Нэш убрал страницы, где об этом говорилось, из печатной версии диссертации, опубликованной в сборнике «Annals of Mathematics» 1951 г.²⁰ Вместо них он использовал аргумент Неймана и Моргенштерна,

¹⁸ Nash J.F. Essays in Game Theory. Cheltenham: Edward Elgar, 1996. P. 32—33.

¹⁹ *Milath G.J.* Do People Play Nash Equilibrium? Lessons from Evolutionary Game Theory // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36. No. 3. P. 1347—1374.

Leonard R.J. Reading Cournot, Reading Nash: The Creation and Stabilisation of Nash Equilibrium // Economic Journal. 1994. Vol. 104. No. 424. P. 492—511;

гласивший, что если бы каждый игрок имел одинаковые знания о структуре игры и был бы гиперрациональным, т.е. умел бы мгновенно производить совершенные расчеты, да еще вдобавок все игроки обладали бы совершенной эмпатией (несмотря на отсутствие какой-либо коммуникации друг с другом), то тогда равновесие в игре непременно оказалось бы набором выигрышей, а его нарушение было бы несовместимо с этими предпосылками²¹. Это как раз пример того, что ранее мы назвали негативным доказательством существования равновесия.

Вся критика, которой издавна подвергалась классическая теория дуополии (почему дуополисты, несмотря на опыт, должны продолжать близоруко ожидать постоянных реакций от своих конкурентов?), была отметена, когда Нэш предложил перескочить напрямую к финальному долгосрочному равновесию, игнорируя длительный процесс приспособления, ведущий к этому равновесию²². Теперь равновесие можно было описать, не вдаваясь в неудобные подробности о том, кто, собственно, объявляет определенную наконец-то цену.

Когда Эрроу и Дебре в 1950-е гг. применили теорию игр и равновесие по Нэшу, чтобы доказать существование общего равновесия, формалистическая революция еще находилась на ранней стадии развития. Потребовался еще десяток или более лет формализма и бурбакизма, чтобы сломить сопротивление, оказанное экономистами теории игр и доказательству существования некоперативного равновесия, основанному на неподвижной точке. Только в 1970-е гг. равновесие по Нэшу было принято в качестве

Jacobsen H.J. On the Foundations of Nash Equilibrium // Economics and Philosophy. 1996, Vol. 12, No. 1, P. 67—88.

²¹ Mirowski P. Machine Dreams. P. 339—349.

 $^{^{22}}$ Кен Бинмор справедливо отмечал: «Работа Нэша, вышедшая в 1951 г., не просто позволила экономистам оценить широчайший спектр возможных способов применения идеи равновесия по Нэшу, но также освободила их от прежней необходимости объяснять динамику процесса уравновешивания перед тем, как переходить непосредственно к обсуждению того равновесия, к которому этот процесс должен привести в долгосрочной перспективе» (*Nash J.F.* Essays in Game Theory. P. xii).

базовой концепции равновесия неоклассической экономической теории, после чего, разумеется, оно было объявлено воплощением того принципа рациональности, который всегда был важнейшей чертой экономической теории.

IV. Возвращаясь к Вальрасу

Мы описали работу Эрроу и Дебре как краеугольный камень вальрасианской программы, но теперь мы должны попытаться оценить их достижение в том виде, в каком оно представляется нам полвека спустя. Распространение концепции равновесия как конечного состояния и почти полное исчезновение понятия равновесия как процесса — а именно этого, как я считаю, добились Эрроу и Дебре — уходят корнями в труды самого Вальраса, который, постепенно отдаляясь от первой редакции «Элементов чистой политической экономии», позволил вопросу о существовании равновесия вытеснить вопросы о единственности и устойчивости равновесия.

Судьба «Элементов» Вальраса сложилась схоже с судьбой «Теории игр и экономического поведения» Неймана и Моргенштерна. После смерти Вальраса в 1910 г. книга стала постепенно забываться, и к 1930 г. в мире было едва ли более полудюжины экономистов, которые хотя бы просто прочитали Вальраса, не говоря уже о том, чтобы его понять. Это состояние полного забвения сменилось постепенным возрождением, которое в послевоенные годы вывело теорию общего равновесия на передний край экономической науки. Хикс, Хотеллинг, Ланге и Самуэльсон были теми, кто в золотое десятилетие 1930-х гг. способствовали возвращению теории общего равновесия выступает как квазиреалистичное описание рыночной экономики, прекрасно подходящее для решения практических вопросов, таких как определение целесообразности

²³ Blaug M. Competition as an End-State and Competition as a Process // Not Only an Economist: Recent Essays. Cheltenham: Edward Elgar, 1997. P. 77—78; Samuelson P.A. How "Foundations" Came to Be // Journal of Economic Literature. 1989. Vol. 36. No. 3. P. 1384n.

«рыночного социализма». Но в работах современных венских математиков теория общего равновесия стала постепенно аксиоматизироваться, все дальше уводиться от любых вопросов, связанных с тем, насколько она близка к реальной жизни, не говоря уже о ее эмпирической проверке. Это непосредственно и привело к написанию работы Эрроу и Дебре, а также к выходу «Теории ценности» Дебре, где теория общего равновесия отстаивается как самодостаточная математическая структура, не имеющая обязательной связи с реальностью или, в лучшем случае, как в работе Эрроу и Хана «Общий анализ конкуренции»²⁴, чисто формально описывающая определение экономического равновесия в идеализированной децентрализованной конкурентной экономике.

Учитывая, что такая фундаментальная переоценка наследия Вальраса произошла менее чем за одно поколение, это поистине одно из самых выдающихся изменений гештальта (*gestalt*-switches) в интерпретации значительной экономической теории за всю историю экономической мысли.

V. Устарела ли теория общего равновесия?

Давайте коротко остановимся на том, что произошло с неовальрасианской исследовательской программой где-то через пятьдесят лет после Эрроу и Дебре. Доказательство существования равновесия, предложенное Эрроу и Дебре, сегодня так же неопровержимо, как и в 1954 г., пусть даже только потому, что использованный ими метод косвенного доказательства логически безупречен и не может быть пересмотрен в свете новых фактов, поскольку имеет дело лишь с принципиальной согласованностью обмена между чисто виртуальными агентами. Однако о чем это говорит — совсем другой вопрос. Не ясно, как и почему данный негативный метод доказательства вообще стал представлять интерес для экономистов, учитывая, что он не имеет ничего общего ни с каким узнаваемым экономическим механизмом. Даже если

²⁴ Arrow K.J., Hahn F. General Competitive Analysis. San Francisco: Holden Day, 1971. (Mathematical Economics Texts. Vol. 6).

мы предположим, что предпосылкой исследования действительно является отсутствие неравновесных цен, почему-то в ходе доказательства ни разу не поднимается интересный вопрос о том, как обмен, основанный на предопределенных равновесных ценах, может быть реализован. В самом деле, Эрроу и Дебре просто-напросто отказались от идеи продемонстрировать связь между математическим решением проблемы существования равновесия и результатом рыночных взаимодействий агентов. Коротко говоря, в теории общего равновесия, т.е. в неовальрасианской микроэкономике, не хватает всего лишь одного элемента — конкурентного взаимодействия между участниками сделок на реальных рынках. Мы забыли, как удачно выразился Клауэр²⁵, что «на невидимой руке есть еще и "пальны"»²⁶.

Оставим теперь проблему существования равновесия. Относительно его единственности было доказано, что общее равновесие подразумевает один и только один ценовой вектор тогда и только тогда, когда все товары являются приблизительными субститутами друг друга; эта предпосылка, мягко говоря, выглядит малоправдоподобной. Наконец, существует еще критически важный вопрос устойчивости. Статические свойства равновесия не имеют практического значения, если они не способны устоять перед небольшими колебаниями и быстро восстановиться после отклонений от равновесия. Верить в эмпирическую значимость теории общего равновесия — значит полагаться на устойчивость равновесия в динамике²⁷. Далее, нужно сказать, что гипотеза об относительной стабильности действительно обладает интуитивной правдоподобностью, поскольку, как однажды сказал Самуэльсон²⁸, «как часто читателю приходилось видеть, чтобы яйцо стояло

²⁵ Clower R.C. Economics as an Inductive Science // Southern Economic Journal. 1994. Vol. 60. No. 4. P. 806.

²⁶ Cm.: *Costa M.L.* General Equilibrium: Analysis and the Theory of Markets. Cheltenham: Edward Elgar, 1998. Ch. 4.

²⁷ Fisher F.M. Disequilibrium Foundations of Equilibrium Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 2, 3, 17, 216.

²⁸ Samuelson P.A. Foundations of Economic Analysis. P. 5.

на одном из концов?» Но это, вероятно, объясняется действием неценовых механизмов координации, таких как преобладающие обычаи, правила и процедуры рынка, технологические ограничения и т.д. Все эти механизмы мало способствуют формированию стабилизирующих свойств моделей ценообразования, основанных на общем равновесии. Подобные стандартные предпосылки об устойчивости, восходящие к Вальрасову анализу «нащупывания» (tâttonement) и гласящие, что цена каждого товара изменяется пропорционально избыточному спросу на него, не предопределяются ни одним из общепринятых рыночных институтов или правдоподобных правил поведения²⁹. Несмотря на наличие обширной литературы на тему локальной и глобальной устойчивости, дискуссия пока что зашла в тупик: мы не только не можем доказать, что конкурентные рынки неизменно устойчивы, но мы даже не понимаем толком, какие именно особенности рынков делают их более или менее устойчивыми³⁰. Так, в одном из основных учебников по микроэкономике вначале объявляется, что доказательство Эрроу и Дебре является одним из величайших достижений современной экономической науки, а затем признается, что «экономисты хорошо (или мы надеемся, что хорошо) умеют распознавать состояние равновесия, но плохо умеют предсказывать конкретно, как будет развиваться экономика, находящаяся в состоянии неравновесия»³¹.

Мы пришли к любопытному выводу о том, что равновесие в теории общего равновесия не считается ни единственным, ни устойчивым и что само его существование можно продемонстрировать только косвенно, при помощи негативных доказательств. Тем не менее теория общего равновесия продолжает считаться фундаментальной основой теоретического дискурса и базой вычислимых макроэкономических моделей. Она даже признается ос-

²⁹ Walker D.A. Advances in General Equilibrium Theory. Ch. 5.

³⁰ *Ingrao B., Israel G.* The Invisible Hand. P. 361—362.

³¹ *Mas-Colell A., Whinston M.D., Green R.* Microeconomic Theory. N.Y.: Oxford University Press, 1995. P. 620; см. также: *Luenberger D.G.* Microeconomic Theory. N.Y.: McGraw-Hill, 1995. P. 224.

новой основ в оценке проектов экономики благосостояния 32 . А может, перед нами еще один пример «голого короля» 23

VI. Реакция на провал теории общего равновесия

Очевидная неспособность теории общего равновесия достичь заявленной цели, т.е. обеспечить научные решения проблем существования, единственности и устойчивости равновесия, вызвала несколько типов реакции. Одни экономисты стали утверждать, что теория общего равновесия, несмотря на свою ограниченность, может каким-то образом быть применена негативно, для того чтобы опровергнуть определенные распространенные экономические предположения. Именно такой была классическая защита теории общего равновесия Фрэнка Хана, и я многократно выступал против этого подхода, который мне напоминает джиу-джитсу³⁴. Другие просто подстраховались в надежде, что в любой момент теория общего равновесия будет внезапно и таинственно преображена дозой реализма³⁵. Интереснее других выступил Вайнтрауб, который защищал теорию общего равновесия при помощи «конструктивизма». Для Вайнтрауба «равновесие является характеристикой наших моделей, а не мира», а устойчивость равновесия не является чем-то, существующим «где-то в экономике»³⁶. Его исследование литературы на тему устойчивости равновесия является примером «конструктивизма». Знание в науке, утверждает он, конструируется социально в том смысле, что оно имеет значение только в пределах дискурса соответствующего сообщества, в данном случае сообщества экономистов-теоретиков. Таким образом, вопросы о научной

³² Starr R.M. General Equilibrium Theory: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 151, 194.

³³ *Kirman A*. The Intrinsic Limits of Modern Economic Theory: The Emperor Has No Clothes // Economic Journal. 1989. Vol. 99. No. 395. P. 126—139.

³⁴ Blaug M. The Methodology of Economics. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Ch. 8.

³⁵ *Ingrao B., Israel G.* The Invisible Hand. P. 362.

³⁶ Weintraub E.R. Stabilizing Dynamics. P. 108—109.

достоверности или эмпирическом подкреплении теории общего равновесия не имеют значения хотя бы потому, что теоретики, играющие в Витгенштейнову языковую игру под названием «теория общего равновесия», не задаются подобными вопросами. Книга написана старательно, почти болезненно конструктивистски в том смысле, что автор ни одобряет, ни критикует эпистемологические утверждения теории общего равновесия.

Конструктивизм имеет множество значений. В своей наиболее крайней форме он утверждает, что научное знание, включая экономическое, является продуктом намеренной человеческой деятельности и, следовательно, по сути, «изделием»: оно скорее создается, чем открывается³⁷. Непонятно, почему Вайнтрауб готов так далеко зайти. Должны ли мы действительно поверить, что утверждения, опирающиеся на предположения сравнительной статики (например, что рост пособий по безработице приведет к росту безработицы), являются лишь допущениями о логических свойствах моделей и ничего не говорят нам о состоянии мира? Что произошло с «правилами соответствия», которые все мы связываем с экономическими теориями, явно или не явно? Когда экономистам говорят, что налог на масло увеличит равновесную цену масла, они знают из «правил соответствия» теории рыночного равновесия, что этот вывод верен только при такой-то эластичности спроса по цене. Они будут рассматривать это предположение как достаточно актуальное для практической деятельности, потому что оно содержит определенное заявление о природе реальности, а не просто ходы в языковой игре.

Вайнтраубова «конструктивистская» интерпретация равновесия — это завершающий этап его долгого пути через несколько книг и много лет к созданию неуязвимой аргументации в защиту теории общего равновесия. Если общее равновесие не является реальной ситуацией, которая гипотетически может наступить, но является лишь эвристическим методом, ориентиром, фигурой речи, то спрашивать, существуют или отсутствуют рынки того или иного

³⁷ Ziman J. Real Science: What It Is, and What It Means. Chicago: Chicago University Press, 2000. P. 333—339.

блага или обладают ли агенты совершенным даром предвидения, примерно так же имеет смысл, как спрашивать, действительно ли простых чисел существует бесконечное множество или действительно ли квадратный корень отрицательного числа определяется только в терминах мнимых чисел *i*. Но все это неважно, так как, что бы мы сегодня ни сказали, Эрроу и Дебре, последователи Вальраса и Парето, не говоря уже о самих Вальрасе и Парето, не сомневались в том, что теория общего равновесия занимается существенными вопросами, имеющими непосредственное отношение к реальной жизни и экономической политике.

VII. Совершенная конкуренция и прочее

Во всей этой истории остался еще один элемент, который мы до сих пор игнорировали, но теперь должны вернуться к нему, чтобы завершить беседу о недостатках теории общего равновесия. Это концепция совершенной конкуренции, которая, как это ни удивительно, была изобретена Курно в 1838 г. 38 Данная концепция сама по себе, а также связанные с ней аналитические традиции, в частности концентрация внимания на конечном состоянии конкурентного равновесия, при котором фирмы выступают исключительно как пассивные ценополучатели, были чужды не только великим экономистам классического периода, но даже ранним маржиналистам последней четверти XIX в. (исключая лишь Эджуорта). Модель совершенной конкуренции, которую теперь мы считаем стандартной в неоклассической микроэкономике, впервые появилась в трудах Фрэнка Найта в 1920-е гг., а затем окрепла и превратилась в догму благодаря распространению теории несовершенной и монополистической конкуренции в 1930-е гг. 39

³⁸ *Machovec F.M.* Perfect Competition and the Transformation of Economics. L.: Routledge, 1995. Ch. 2; *Blaug M.* Competition as an End-State and Competition as a Process. P. 67–71; *Kirzner I.* Competition and the Market Process: Some Doctrinal Milestones // The Process of Competition / ed. by J. Krafft. Cheltenham: Edward Elgar, 2000. P. 11–26.

³⁹ Machovec F.M. Perfect Competition and the Transformation of Economics. Ch. 8; Blaug M. Economic Theory in Retrospect. 5th ed. Cambridge: Cambridge

Для этого потребовалось исключить гипотезу о том, что рынки могут приспосабливаться не через цены, а через количества или, во всяком случае, что рынки могут быстрее приспосабливаться через количества, чем через цены. Маршалл и Вальрас всегда расходились во мнениях относительно условий устойчивости конкурентного рынка, но ни один из них так и не прояснил, что это расхождение касалось конкретно процесса конкуренции⁴⁰. Для Маршалла парадигматическим случаем рыночного приспособления была экономика производства, в которой производители-продавцы корректируют выпуск продукции в ответ на высокую цену спроса, в то время как для Вальраса таковым была экономика обмена, в которой покупатели корректируют свои ценовые предложения в ответ на излишний спрос, который, как предполагается, является типичным. Возрождение теории общего равновесия в 1930-е гг. похоронило саму идею корректировки количеств даже на рынках труда. Когда же в 1950-е гг. началась формалистическая революция, почти абсолютный запрет на анализ неравновесия окончательно утвердил корректировку цен как единственный возможный способ реакции рынков на потрясения. По мере того как экономическая наука становилась все более статической, все неценовые формы конкуренции: удачное расположение, инновационные продукты, рекламные войны, быстрая доставка, улучшение качества технического и гарантийного обслуживания и т.д., — оказались переданы таким непрестижным научным дисциплинам, как маркетинг и бизнес-менеджмент. Даже теория отраслевых рынков — единственная область экономической науки, благодаря которой у студентов была бы надежда узнать что-нибудь о конкуренции, — в 1970—1980-е гг. уцелела в стандартном учебном плане экономических факультетов университетов, только приняв теорию игр в качестве основного аналитического инструмента.

Совершенная конкуренция никогда не существовала и никогда не могла существовать, в этом единогласно сходятся все учеб-

University Press, 1997. P. 68; Competition / ed. by J. High. Cheltenham: Edward Elgar, 2001. P. xiii—xlv.

⁴⁰ *Blaug M.* Competition as an End-State and Competition as a Process. P. 72—76.

ники⁴¹, однако реальный мир, говорят нам, приблизительно похож на идеализированный мир совершенной конкуренции. Откуда нам это известно? Так об этом свидетельствуют исторические аналогии. Именно неформальные, ненаучные оценки убеждают нас в том, что конкурентные рынки работают лучше, чем централизованно планируемые экономики. Рыночная экономика информационно экономна, технически динамична и отзывчива к потребительскому спросу, поэтому мы оцениваем капитализм выше социализма, несмотря на присущие ему периодические экономические кризисы и неравномерное распределение доходов⁴². Коротко говоря, мы оцениваем систему частного предпринимательства в терминах динамических последствий процессов, происходящих на рынке, оставляя все прекрасные статические свойства конечного состояния равновесия для экзаменационных вопросов.

VIII. Заключение

Центральный вопрос ортодоксальной довоенной микроэкономики: как достигается рыночное равновесие? — был отодвинут в сторону с началом формалистической революции 1950-х гг. В теории общего равновесия вопрос о существовании общего равновесия как такового стал настолько важнее вопроса о пути к этому состоянию равновесия, что полностью поглотил его. Даже теория игр посчитала этот вопрос не требующим доказательства, потому что ее определение равновесия как результата игры имеет смысл, когда мы уже нашли решение, но никак не объясняет, как мы к нему пришли⁴³. Тот факт, что все зависит от всего остального, не явля-

⁴¹ Blaug M. Economic Theory in Retrospect. P. 70—71.

⁴² Nelson R.R. Assessing Private Enterprise: An Exegesis of Tangled Doctrine // Bell Journal of Economics. 1981. Vol. 2. No. 1. P. 93—111 (переиздано в: The Legacy of Friedrich von Hayek / ed. by P.J. Boettke. Vol. III. Cheltenham: Edward Elgar, 1999. P. 80—98).

⁴³ Как было сказано у Дози и Уинтера: «Эволюционные теории имеют общий методологический императив: динамика важнее всего! То есть объяснение того, почему что-либо существует или почему переменная принимает то или иное значение, должно опираться на отчет о том процессе, в ходе которого объясняемое

ется основанием считать, что все зависит от всего одновременно и мгновенно, без того, чтобы прошло какое-то реальное время. Это не повод считать, что цены или количества никогда не бывают неподвижными, что, раз информация обычно бывает симметричной для обеих сторон рынка, то отсутствующих рынков быть не может, что принятие цен в состоянии неравновесия так же универсально, как и в состоянии равновесия. Коротко говоря, метафора, сводящая определение цен к математическому решению систем уравнений, может ввести в заблуждение. Я бы даже сказал, что одномоментность определения цены, которая глубоко укоренилась в теории общего равновесия, с течением времени зарекомендовала себя как исключительно обманчивая метафора. Лучший способ не узнать, как работают рынки и как в реальности работает конкурентная экономика, — это изучение теории общего равновесия.

Перевод с английского Н.В. Автономовой

явление стало таким, каким оно стало» (*Dosi G., Winter S.G.* Interpreting Economic Change: Evolution, Structure and Games // The Economics of Choice, Change and Organizations. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2002. P. 146). Отличительная черта всех объяснений экономических явлений на основе общего равновесия — это нечто прямо противоположное: что-либо существует, потому что существует, и не важно, как оно появилось.

Научное издание

Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова* Редактор *Е.А. Рязанцева* Художественный редактор *А.М. Павлов* Компьютерная верстка: *Л.В.Маликина* Корректор *Ю.В. Гуськова*

Подписано в печать 07.08.2015. Формат 60×88/16 Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,5 Уч.-изд. л. 26,5. Тираж 600 экз. Изд. № 1732

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20 Тел./факс: (499) 661-15-52

Отпечатано в ГУП ЧР «ИПК «Чувашия» Мининформполитики Чувашии 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13 Тел.: (8352) 56-00-23

ISBN 978-5-7598-1130-5